

Ирина Андреевна Киселёва родилась в 1988 году. Живёт и работает в Оренбурге рядовым учителем в школе. Некогда пыталась уйти из профессии и работать по второй специальности — переводчиком, но оказалось, что жить без школы не может. Поэтому вернулась — и счастлива. За литературным творчеством замечена была ещё в школьном детстве. Это были короткие рассказы о космических экспедициях. Иногда получались и стихи. Так и теперь: основная часть творчества Ирины — это проза. Но и стихи она не забывает, а благодаря проекту «Другая Среда» имеет возможность быть услышанной. Мечтает написать произведение, которое, благодаря технике или психологическим приёмам, позволит создать ощущение у читателя, что именно он — главный герой или антигерой произведения. Вдохновляют Ирину слова. Стоит одному слову чем-то зацепить её, как рождается произведение в прозе или в стихах. «Миром правят слова», — любит повторять она.

Ирина Киселёва. Спиральная Немезида

Спиральная Немезида

Ирина
Киселёва

Ирина Киселёва

Спиральная Немезида

Стихотворения

Оренбург
2017

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
К 44

Эта книга издана при поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Ирина Киселёва
К 44 **Спиральная Немезида.** Стихотворения. — Оренбург:
Издательский центр МВГ, 2017. — 62 с.

ISBN???

© Ирина Киселёва, стихотворения, 2017 г.
© Издательский центр МВГ, 2017 г.

СПИРАЛЬНАЯ НЕМЕЗИДА

Скажите мне, вы замечали,
Что жизнь несётся по спирали?
Водоворот, воды поток,
Изящной розы завиток,

Тепло несёт спираль накала,
Спиралью свит накал страстей.
И знает пуля из металла
Спираль космических путей.

И мы совсем не те, что раньше.
Не те, что были миг назад.
И с каждым поворотом — дальше
Несёт спираль нас в райский сад!

Двойной спиралью свиты гены,
Как бур, нас тянущий вперёд.
И кипяток бежит по венам,
Сердцам остыть он не даёт!

Но где предел спиральной расы?
Когда же бур нас подведет?
Когда критической мы массы
Достигнем — и весь мир падёт?!

Ведь нет у человечества защиты
От неминуемой Спиральной Немезиды.
Что? Здравый смысл? Не слышали!
Он лишь преграда на пути.
Ему пинки мы раздавали,
Пытаясь истину найти.

Бывали сотни раз в плену
Бесчисленных судьбы повторов.
Мы ненавидим тишину,
Не отсырел ещё в нас порох!

Мы пробурим и небеса!
Пронзим запретов старых кожу!
Да с нами связываться сам
Не станет Бог: себе дороже!

Мы отстоим свою мечту.
Свою, твою и им поможем.
И Немезида не страшна:
Себя судить мы станем строже!

Ну, что ответите вы мне?²
Есть в вас запас великой дерзости?²
Готовы ли сгореть в огне?²
Ведь я!..
Ведь мы!..
Вы за кого нас держите?²!

4

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Я — книжный червь. Восторженно дрожа,
Ласкаю пальцами дешёвый переплёт,
Чужой загадочной фантазии полёт
Уносит вдаль, неистово кружа.

Пусть не могу я их окинуть взглядом —
И в два ряда стоят они, и в три.
Сжигающие чувства изнутри
Мечту мою питают сладким ядом.

Все нереально пусть, иллюзий сонм
Фильтрует горести неправильного мира:
Сдержат не в силах безнадежного порыва,
Рука снимает с полки нужный том.

Я не бегу, я тихо растворяюсь
Средь кем-то созданных долин, озёр и гор
И, оседлав покорно ждущий метеор,
К зовущим в небо звёздам устремляюсь.

Раскаянья не будет. Долгий путь
Начертан для меня на каменной скрижали,
И в океане букв утонут все печали,
Всей жизни будущей невыдуманной грусть.

Вернувшись на мгновение назад,
Услышу перезвон мелодий вечных
И, улыбнувшись истине беспечно,
На полки благодарный брошу взгляд.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Приникнув к ложу головою утомлённой,
Прошу, чтоб разуму дорогу дали чувства —
Со взором, мимо цели устремлённым,
Как рыцарь прошлого, стою на перепутье.

Еще один этап, барьер преодолен,
Восторг исчез чуть раньше, чем возник,
Миг юности не может быть продлен —
Ещё не мастер, но уже не ученик.

А неуверенность окатывает вновь
Волной холодного людского отчуждения,
Но сколько надобно сорвать с себя оков,
Чтоб заслужить чуть больше, чем презренья?

И дружбой начинаешь дорожить
Сильнее с каждым прожитым мгновеньем.
Но как, скажите, можно дальше жить
С душой, давно увязнувшей в сомненьях?

Какое место мне занять под солнцем?
С кем разделить мне место под луной?
Как попроситься с тем, что остаётся?
Как встретить то, что станется со мной?

Остерегусь бежать, не разглядев дороги,
Глазами в зеркале соприкоснусь с судьбой:
Взгляд будет и взволнованным, и строгим.
Вопросы взор туманят чередой.

Не заслонюсь, прикрыв лицо ладонью,
Махнув рукой на всё, не отвернусь,
Но все сомненья исцелю любовью
И будущему тихо улыбнусь.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Двадцать четыре шага до спальни.
Выпрямить спину на наковальне.
В стылую воду падать клинком,
И по безумным губам — кипятком.
Двадцать четыре сонные стрелки.
Помыслы выстирать, жалкие и мелкие,
Мыльной пеной на тонких запястьях.

Звёздной фрезой мир распилен на части.
Двадцать четыре — круглые сутки.
Нет за работой свободной минутки.
Если б сбывались мечты малой кровью...
Нас закалить можно только любовью.

НА ПУТИ ЗА ЗВЕЗДАМИ

Искры осени на ладони вечности.
Лист кленовый — улыбка рыжая.
Я судьбою навек отмечена
На дороге, что солнцем выжжена.
Жизнь моя — как знак бесконечности,
Что затёрся ветрами времени.
Я хотела идти за звёздами,
Став изгоем людского племени.
Не простилась пока я с юностью,
Да и старость ещё не грезится.
Оседали следы путешествия
На лице, что блее месяца.
И в глазах, что всегда прищурены,
Не с презреньем, а так — от солнышка.
Грусть застыла, почти невидима —
Не поймешь, не дойдя до доньшка.
Опираюсь на посох вытертый,
А спина не согнулась — гордая!
Не боюсь я ни леса вечного,
Ни огней огромного города.
Я простая по миру странница,
Люди кличут меня убогою.
Ну и ладно! Судьбы избранница,
Я своею иду дорогою.

След в пыли за звёздами стелется,
Перестук слышен тихий посоха.
Мне в пути только в счастье верится,
Чашу жизни я выпью досуха.
Искры осени на ладони вечности.
Лист кленовый — улыбка рыжая.
Я судьбою навек прикована
К той дороге, что в сердце выжжена.

* * *

Я сегодня искал вдохновенье,
Но не ради рожденья стихов!
Пусть полезны часы озаренья
Не одним лишь создателям строф.

Если к нам вдохновенье приходит,
Испаряется лень без следа,
Дар дремавший дорогу находит,
И любая беда — не беда!

Лик души раскрывается вдруг,
И фантазией ум распаляется,
И обычные вещи вокруг
Необычными нам представляются!

Мы находим стимулы в разном,
Или нас находят они.
Есть у каждого масса соблазнов,
Чтобы музы дар применить.

Я сегодня искал вдохновения
И на сцену подняться спешил,
Чтобы вам приподнять настроение,
Подарить хоть частичку души!

ДЛЯ АЗАЛИИ

В высокой башне за забором
Жила принцесса — краше не найти!
Актриса! Песня! Юных лет не больше двадцати.
На личном фронте только вечная засада.
Но все кончается, и, как ты ни крути,
Нашёлся принц. Такой, что лучшего не надо.

Обходят стороной их споры, ссоры.
Гостей сзывает звон колоколов,
И стол накрыт на сорок три персоны.
Отличный день для милых пустяков.

Он для неё теперь восток и запад,
Труд и досуг, уютный дом и замок,
Приятный тихий вечер, лунный свет.
Казался вечным. Оказалось — нет.

В мир счастья сказочной принцессы
На лютых современных скоростях
Въезжает смерть, и гаснет свет в глазах.
Хвала и честь научному прогрессу...

И телефон молчит, стоят часы,
И тихо подвывают где-то псы,
Принц полумёртв. Под барабанный бой
Заходят в дом скорбящие толпой.

Жена и мать дежурят у постели.
И нет у них иной великой цели —
Лишь только б принц открыл глаза.
Ну как тут не поверить в чудеса?

Но нет — мир страшен и безумен.
И самолет на небе пишет: «Всё, он умер!».
На шеи дамы вяжут черный шёлк.
Не стонет принц, навеки он умолк.

В глазах принцессы груз висит ста лет.
Но не заплачет, не согнётся — нет.
Хоть в памяти любимого портрет,
Я точно знаю — ждет её рассвет.

Ну а пока все звезды можете гасить,
Луну и звёзды с неба выносить.
Сушите океан, рубите лес.
Театр закрыт. В нем больше нет чудес!

ИЗГОЙ

Опять себе ты кажешься изгоем
И, сетуя на мрачную судьбу,
Считаешь мир открытым полем боя,
Бросаешься в неравную борьбу.

Отчаянно дерёшься, побеждая
В сраженьях, но проигрывая жизнь.
Заполнили сознание до края
Холодного тумана миражи.

Ты заперт в клетку собственных иллюзий,
В неволе у кошмарных детских снов.
Но выдуманный демон не укусит,
Не высосет по капельке всю кровь.

Ты выдумал нелепое изгнание,
Коварство и жестокость бытия.
И бездна зла, и горный пик страдания —
Лишь мрачная фантазия твоя.

А за пределами фантазии — реальность,
Прекрасный, светлый, разноцветный мир.
Загадочный, как дальняя туманность,
Но твой родной. Ты в нём когда-то жил.

ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

Наши жизни листвою кружатся,
Смотрит небо глазами синими.
И на тонкий лёд стылой лужицы
Руны снежные лягут именем.
Знаки тайные мироздания —
Затереть их ветер поленится,
Прочитать нам не хватит знания.
Да и что от того изменится?
Это имя мы оба слышали,
Можно криком кричать намеренно.
Только голос взметнётся выше ли
Тех небес, что навек потеряны?
Сами предали, вот и изгнаны,
Расплатиться теперь едва ли нам.
Мы с тобою идём на свет луны,
Что на сердце оставит проталины.
В корке снега, как уголь чёрного,
Беспросветного, как отчаянье.
Мы же вроде с тобой учёные:
Этот снег не подвержен таянью.
Но надежда — увы, суровая.
И мы снова и снова маемся:
Расшибая о небо головы,
Раз за разом взлетаем, кляня себя
За ошибку. За малодушие.
За потерю чего-то важного.
И за то, что Его послушали,

А теперь вот крылья бумажные
И не держат — не настоящие!
Память злая совсем не прячется!
А душа, навеки скорбящая,
Задыхаясь от боли, плачется,
Что в гордыне стали незрячими.
А теперь вот в безумной надежде
Жаждем в сердце Его горячее
Быть допущены так, как прежде.
И так хочется хоть когда-нибудь,
Пусть на самой границе вечности,
Ткнуться носом, как раньше, в грудь Ему,
Повинившись в своей беспечности.

Но чем дальше, тем меньше верится,
И, теряя надежду, в отчаянье
Пав на землю, поняв — не встретиться! —
В небо глянем. Оно печальное.
Как обычно, посмотрит пристально,
Облаками чуть-чуть нахмурится
И вдруг хмыкнет тепло да искренне:
«Будет праздник на вашей улице!».
И осыплет искристым инеем
Нас, упрямецв, зря жизнь растративших,
И глазами синее синего
Просветлеет, шепнув в седой тиши,
Растопив крови стылое крошево —
Сердца стук в унисон с минутами:
«Попросите прощенья, что же вы?
Он соскучился тоже, глупые».

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

Вечная юность танцует на крыше,
Пугает котов, ловит северный ветер.
Есть парочка снов у неё на примете,
И юность смеётся. Завидуют дети,
Только она всего этого выше.

Звон колокольчиков в сказочной ласке,
Зелёные ленты на узких запястьях,
Мелодия флейты волшебного счастья
По воле небесной в её теперь власти.
Юность кружится в неистовой пляске,

Слиться готова с Луной в поцелуе,
В подушечки пальцев впиваются звёзды.
На древе Вселенной галактики-гнёзда
Свивают потомки Создателя-клёста...
Юность смеется, на крыше танцую.

ВЗМАХ

Взмах.
Жизнь ещё не оборвана,
Стрелы лежат в пыли,
Чья-то судьба не сломана,
Кого-то опять спасли.
Ему не больно, не холодно,
Сталь ему не страшна,
От смерти хранит то, что дорого:
Людские сердца.

Взмах.
Танцующий мотылёк огня
Скачет, как заколдованный.
Вспыхивает, за собой маня,
Такой чарующий и непонятый.
Играет лишь по своим правилам,
Жаждет гореть, не сгорев,
Тёплый и далеко не праведный,
Один в темноте против всех.

Взмах.
Легко ускользает прошлое,
Растворяется, сгорает в огне,
Был защитником, а ныне брошенный,
Ненужный ни им, ни тебе...
Я подниму его — ещё тлеющий,
От волнения вздрогнет рука:
Знаешь, мы все надеялись, верили,
Но взмах...
...и сгорела мечта.

ИСПОВЕДЬ ШУТА: ЛЮБОВЬ К КОРОЛЮ

Мой король! Прощай.
Ухожу, прости.
Я любил, ты знал.
Ну не злись. Пусти!

Отпусти, король.
Я же шут! Дурак!
Тяжка эта роль,
Но я в ней мастак.

Наловчился — страх!
Самому смешно.
Что в твоих глазах?
Вот в моих темно.

И в моей груди
Затаился стон.
Ну же, отпусти!
Я ведь лишь смешон.

Я ведь так любил
Короля. Дурак!
Я сквозь боль шутил,
Натянув колпак.

И под ним скрывал
Лепестки тех роз,
Что ты мне бросал
Вовсе не всерьёз.

Правда — ерунда?
Что ж, тебе назло
Я любил, ну да.
А теперь — прошло.

А теперь — прости.
Вот уж столько дней
Не люблю. Пусти!
Да хотя бы к ней.

Не увидишь страх —
Мне себя не жаль.
Гнев в твоих глазах,
А в моих — печаль.

Пытки ли страшны,
Если королю
Попросту смешны
Все твои «люблю»?)

Плаха да палач —
Вот мой гонорар.
Чей-то тихий плач
Я приму как дар.

Росчерк топора —
Вот и вышла роль.
Ну прощай, пора.
Мой люби... король.

ИСПОВЕДЬ ШУТА: ЛЮБОВЬ НЕ К ТОЙ

Чёрное с белым надвое
Делят шута колпак.
Юмора чувство наглое
Не помогает — дурак!

Чёрное, белое месиво:
Чувство любви и страх.
Больно — тебе лишь весело,
Я же в твоих руках.

Чёрное с белым строчками
Сложатся в приговор:
«Шут королевской дочкою
Изгнан с недавних пор!».

Чёрное, белое марево:
Душу — навскидку, влёт.
Кто-то промолвит: «Жаль его».
Множество — зачеркнёт.

Чёрное, белое. Улица...
Сердце напополам.
Если сегодня не шутится,
Значит, виновен сам.

КАТЕРИНЕ

Словно в классиках, прыгают буквы по клеточкам,
И зажглись на ветру озорные в глазах огоньки.
Ты откуда пришла к нам, весёлая светлая девочка?
Невесома, мила, чьи шаги так безумно легки?

По плечам расплескались твои непослушные волосы,
И задорный твой смех озарил наши серые дни.
Что есть жизнь? Только лишь разноцветные полосы?
Нет, твоя — это радости яркой огни!

Оставайся такой же — смешливой, случайной, нечаянной,
Улыбайся сама ты и нас, вечно грустных, смехи.
Если цвет, то зелёный — весенний и юный отчаянно,
Если жизнь — то на полную громкость души!

КЛЯТВА

Сомнамбулы взглядом
Блуждаю меж лиц:
Они здесь, они рядом,
Пальцы тянутся ввысь.

К вершине мечты
Так опасен полет.
Мои руки пусты,
Начинается взлёт.

Всё сильнее и сильнее
Дружелюбный укор,
Против воли моей
Увлажняется взор.

Подождите, друзья!
Я готова на риск,
Убористой вязью
Покроется лист.

Я всё расскажу,
Ничего не тая,
И так опишу —
Содрогнётся земля.

Не забуду ни тягот,
Ни радостных дней,
Лишь бы верности клятву
Исполнить скорей.

Со спокойной душою
Свой исполнив обет,
В моём сердце сокрою
Великий секрет.

Для меня для одной
Вы открыли его,
Я в дорогу с собой
Не возьму никого.

Давший клятву мечты,
Ею связан навек.
У последней черты
Ты услышишь мой смех.

ЛУННОЕ

Луны нетленная лучина
Себя явила небесам.
А ветер, вторя голосам,
Дрожавшим в нитях паутины,
И за деревьев прячась спины,
Скользнул легко по волосам.
И удалился вновь во тьму.
А ты, ловя его руками,
Внезапно понял, что не с нами —
И оступился в тишину...
Вскочил. Дрожишь, поверив сну.

19

ЛЮБИМОЙ И НЕНАВИСТНОЙ «ДРУГОЙ СРЕДЕ»

I
Скорей! Ослаблена удавка! В стаю
крылатых тварей неземных!
До полнолуния осталась
бесчисленных мгновений малость,
но невозможно улизнуть от них.
Раскрыв глаза и крылья расправляя,
хватая воздух воспалённым зобом,
стремишься за пределы рамы, за окно,
с трудом удерживая крик, и в незнакомом
месте держишься едва.
Принадлежат полету оба
ободранных, потасканных крыла.

II

Скорее! Прочь из рамок! Ну же...
Но новые вы строите границы.
И восприятие шире,
Восприятие уже...
Какой породы вы, подружки-птицы?
Какой летун для ВАШИХ рамок нужен?
Вы птицы дивны, птицы чудногорды.
Но крыльев нет у гордых птиц.
И в подтверждение вашему позору
Я слышу шелест тоненьких страниц.
Красивая идея стала ложью,
А сокол обернулся вдруг павлином.
Вот только в дружной стае куриц и пингвинов
Услышать пение прекрасное так сложно!

II

А ты? Чего же хочешь ты,
Мой разноглазый сокол?
Показывать свой хвост? Красиво шаркать лапкой?
Без этого тебя ведь не услышат.
Что делать, если петь ты не умеешь громко?
И кто из нас на самом деле жалкий?..

Я — кит, и я ныряю глубоко,
И слов моих вам ни за что не разобрать.
На дне так тихо, сыро и темно.
Но победите все же вы желавшего летать!
Скорей! Ослаблена удавка! В стаю
Крылатых тварей неземных...

МЫ

Мы порой ошибались смолоду,
Ошибёмся, наверно, в старости.
Мы грустим по любому поводу
И бываем достойны жалости.

Просеваем года по зрелости
На упущенные возможности...
Здесь бы надо нам больше смелости,
Там — подумать об осторожности.

Пусть дорога вела к признанию,
Только ложны все указатели.
И копеечные воззвания
Убедительно обязательны.

И богатства мираж растаявший
Был упущен без сожаления,
Но ушедших друзей-товарищей
Тени бродят под настроение...

Мы, как все, ошибались смолоду.
Ошибёмся, конечно, в старости,
Загрустим по любому поводу
И однажды умрём от радости.

Но рождается понимание:
Все случается только к лучшему,
И ни встречи, ни расставания
Никогда не бывают случаем.

НАС НАЙДЕТ ТОЛЬКО ТОТ

Нас найдет только тот,
Кто хотя бы искал,
Кто хотел дотянуться
До северных скал.
Тот, кто, лёжа в кровати
В ночной тишине,
Всё мечтал о ветрах
И небесном огне.
Кто однажды проснулся
И понял, что он
Не для серой и будничной
Жизни рождён.
Кто решил, что он должен
Себя изменить.
Кто нашёл себе меч
И кто выковал щит.
Кто шагнул в никуда,
Страх в душе затая,
Но тотчас же узрел,
Что рядом друзья.
Только тот сможет нас
Отыскать среди тьмы,
Кто такой же, как я.
Кто такой же, как мы.

НЕ ПРИНЦЕССА

Я, слава Богу, не принцесса,
С турнюрком не ношусь по лесу,
Не претендую на корону,
Меня спасти не надо от дракона.
Вино, антоновки, икру

У незнакомцев не беру.
Пою, не оглушая птиц,
И не имею злых сестриц,
И феи-крестной Мелюзины,
И шапочки из кармазина.
Я в тёмной башне не сижу,
На лоб напялив паранджу.
И женихов не шью на пальцах,
И не ношу на тонких пальцах
Судьбы Волшебное Кольцо,
Не зрю Кашеево яйцо.
Я не чешу золотые косы,
Не зашиваю дождю шосссы,
В шагрени я не маскируюсь,
Со свинопасом не целуюсь...
Я, слава Богу, не принцесса.
Я женщина и — поэтесса.

НЕ РИФМОЙ ЕДИНОЙ

Не рифмой единой поэта душа
Живёт в виртуальном пространстве.
Не хочет она по шаблонам дышать
В эмоций изменчивом царстве
И рвётся из древних канонов на свет.
Не рифму и ритм, а всю душу поэт
Порой публикует на сайте.
Не хочет в строку помещаться вся боль,
Порою слог кажется лишним,
И рифм самых бедных несчастная голь —
Как плач по утраченной жизни.
Пусть сердце больное не может стучать
В предписанном ритме и в рифму страдать,
И плакать не может по нотам.

Вся радость не хочет вмещаться в канон,
Она не живёт по шаблонам.
Ей кажется метр стихотворный смешон,
Как чувства в мешках по талонам.
И рвутся из точных размеров слова,
Ведут себя, словно весною трава,
Сквозь правил бетон прорастая.
Не хочет держаться горячая страсть
В силлабо-тоническом русле.
Скорей согласится погаснуть, пропасть,
Но власть над собой не допустит
Старинных учебников ветхих страниц.
Не падает страсть перед догмами ниц.
Ей жизни дороже свобода.
Поэт настоящий — не тот, кто считать
Умеет в строке ударенья,
Поэт — это тот, кто из слов создавать
Способен живые творенья.
Пусть стих не похожим на стих будет, но
Он будет прекрасным стихом всё равно,
Коль автор вложил в него душу.

* * *

Не целуй меня так сладко,
Не зови меня так нежно,
Я коснусь тебя украдкой,
И сомкнутся сонно вежды.
Не моли меня остаться,
Не кричи, я не отвечаю,
Нам давно пора расстаться,
Лучше сразу после встречи.
Не целуй меня так жарко,
Не шепчи слова любви мне.
Я с тобой играю в прятки —

Как доверчивы мужчины!
Обними меня так крепко,
Поцелуй меня так страстно,
Мой кинжал ударит метко,
Будет смерть твоя прекрасна.

ОХОТА НА УЛЫБКУ

Ловлю её, беглянку, безуспешно.
Она проворна, беззастенчиво легка.
То станет вдруг лукавою усмешкой,
То пропадёт на миг... Моя рука

Пыгается настичь её в полёте,
От посторонних глаз спешит укрыть.
Хитрит в ответ шутница — вострепнётся,
Полупритворно даст себя закрыть,

И вдруг сверкнёт без скромности привычной.
Чтоб потушить её, никак не хватит рук.
Улыбка... Свет её так необычен
Лишь потому, что рядом ты, мой друг.

25

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Память сердца — фантомные боли.
Кто я ныне? Забытые роли разлетелись листвою по парку.
Память сердца...

Души огарком не согреть ни себя, ни неба.
Разлететься в осколки мне бы, да не выйдет —

такая доля: жить да жить.

И чужая воля затмевает мое сознание.
Память сердца — как наказание. А за что, и сама не знаю.

И неважно!

Опять играю жизнь чужую. Свою — забыла.

«Тихий вечер, и ты унылый...»

Что за глупость, ну право слово?!

Память сердца. А вдруг — чужого?

Пыль веков — на глаза вуалью.

Завтра манит заветной далью, но

Сейчас отчего-то уютней.

Менестрель со своею лютней со страницы книжной взирает.

Ночь. Прошла? Через час — светает. Скоро день.

Суеты пустышка.

Но пока фонарём на вышке нас луна на придел поймала.

Так тоскливо! Наверно, устала...

Лечь. Уснуть. И опять проснуться.

Память сердца: щербатые блюда.

Чай с дымком и знакомый свитер.

Твои руки...

Не надо! Больно!

Память сердца... С него довольно!

Не болит, притворилось целым.

26

А плюс Б — на заборе мелом, но итог почему-то стёрся...

Память. Больно...

И грубым ворсом маскирую раны.

Что за жизнь? Сплошные обманы!

Я — как зверь ядовито-колючий...

Память сердца: несчастный случай. Пустота.

И немного: «Надо!».

«По труду, — говорят, — награда!»

Но... когда «натрудила» столько?

Жизнь — не жизнь. Так... пустая ролька!

И опять закулисье. Мысли: «Что за дура?».

Лапшой повисли на ушах обещанья счастья (самой себе!).

В сердце — боль. В голове — ненастье.

И помпезно гремят фанфары, провожая надежду на нары?

За попытку начать сначала?

Снова жить, забывая помалу те причины,

что душу тревожат.

Вновь примерить счастливую рожу...
Впрочем, к черту чужие роли!
Память. Снова. Фантомные боли...

ПРО ЛЮБОВЬ

Пьянящий аромат весны...
Как ты далёк, как невозможен!
Мои растерянные сны
Напрасно по ночам тревожишь.
Лишь звёздный свет имеет власть
Давно над мыслями моими.
Угасла суетная страсть —
Все люди стали мне чужими.
И я дышу одним тобой,
Сражаюсь с подлою судьбой.

Сражаюсь с подлою судьбой.
Покой забыт, очаг потушен.
Но день за днём, за боем бой —
Мне только ты, любимый, нужен.
И войска нет, и конь мой пал,
Спешит на смену лету дождь.
Цветок на волосах увял,
Но верю, что меня ты ждёшь.
Трясут главами колдуны —
Разлуки, говорят, вредны.

Разлуки, говорят, вредны.
Все это — чушь, все это — ложь!
Лишь те и вправду влюблены,
Кого от чувств бросает в дрожь,
Кто даже в глубине озёр,
В лесу, в окне, в сиянье льда

Находит милый сердцу взор.
Пусть голова моя седа,
Пусть я бродяга, пусть изгой —
Но примешь ты меня любой.

Но примешь ты меня любой —
Истерзанной, печальной, старой.
С протяжной тихой мольбой
И пятиструнную гитарой
Я тихо подойду. Пускай
Закрыты двери, окна, ставни.
Где ты — там счастье, мой там рай,
А оскорбленья так забавны.
Усмешку спрячу торопливо
И соглашусь я молчаливо.

И соглашусь я молчаливо
Терпеть обиды, ругань, яд.
Лишь отражению правдиво
Всю тяжесть может выдать взгляд.
Пишу тебе стихи и сказки
Я в полуночной тишине,
Твои я вспоминаю ласки
И поцелуи при луне,
Готовясь за бесценный дар
Принять ещё один удар.

Принять ещё один удар
Почту за сладостное время.
Пусть долго властвует кошмар,
Любовь всегда осилит время.
И снова в битву! Убегая,
Надenu шлем, поправлю меч,
Пришла минута роковая —
Вам лучше стоило стеречь!

Мне нравилось дразнить игриво
Тех, что корили так сварливо.

Тех, что корили так сварливо
За то, что образ твой храню,
Что ожидаю терпеливо
И никогда не изменю.
Плохие чувства — зависть, ревность —
Меня обходят стороной.
Вослед грозит неизбежность,
Но лишь раздастся голос твой,
По телу разольётся жар,
Как будто я во власти чар.

Как будто я во власти чар,
И так пленительны их сети...
За этот сладостный угар
Я отдала бы всё на свете.
За дверью — вьюга, холод, снег,
Но на душе поёт надежда.
Пусть лишь в мечтах держу побег,
Как ночь темны мои одежды,
И чувствую — она близка...
И поступь у любви легка!

И поступь у любви легка,
Неслышимо она подходит,
Как ласкова её рука!..
Вот сердце девичье находит,
Берёт в ладонь, целует нежно,
Вдыхая страстное томление,
Чуть страха, после — безмятежность,
Мечтаний дерзких нетерпенье.
И слышен шёпот у виска:
«Теперь мы вместе на века!».

Пьянящий аромат весны...
Сражаюсь с подлою судьбой:
Разлуки, говорят, вредны,
Но примешь ты меня любой.
И соглашусь я молчаливо
Принять ещё один удар
Тех, что корили так сварливо,
Как будто я во власти чар.
И поступь у любви легка...
Теперь мы вместе на века!

РАЗДОСАДОВАНА

Раздосадована — напрасно.
Не бывает пустых иллюзий,
А бывают пустые сказки?
Нет, бывают пустые люди.
Вновь идешь ты тропой незримой
Через зимнюю полусякоть.
Мне с другой стороны экрана
Так легко твои тени прятать.
Я заиклилась на работе,
На тебе, на Сети, зачётах.
Снова в аське: ну, как живёте?
А сказать бы: пошёл ты к чёрту!
Ты увидеть хоть раз сумеи-ка,
Как тепло и спокойно рядом.
Разменяешь меня копейкой,
Мне же большего и не надо.
Хочешь милую и простую?
Я дитя? Но и ты — мальчишка.
Слишком много пишу впустую.
Куришь много и нервно слишком.

РАСЧЁТ

Появляется тонкий холодный расчёт
И уводит за грань восприятия снов.
Очень жаль, но любовь и забота — не в счёт
На границе двух слишком разных миров.
Можно тихо обнять без тепла в пальцах рук
И в чужие глаза заглянуть с пустотой.
Только стоит ли время отчётливых мук
И порывов расстаться с опавшей листвой?
Это осень диктует законы тоски,
Заставляя поверить в ненужность тепла.
Ближе некуда — Боже мой, как далеки!..
Пульсу в такт размахнулись два белых крыла.
Сбросить маски, фальшивую сладость оков,
Улететь! С головой окунуться в закат!..
На границе двух слишком разных миров
В листопаде багровые перья кружат...

31

РУСАЛОЧКА

В отражениях неба, как в призме,
Преломляется солнца свет.
Я готова рискнуть и жизнью,
Хоть и страшно услышать «нет».

Мягче шёлка золотые косы,
Голос звонче ручья весной
Я за ноги отдам, что босы,
И возможность побыть с тобой.

С ведьмой торг был совсем не страшен,
Мне разлуки с тобой страшней.
Жизни в мире подводном краше
Дар быть рядом. Хоть пару дней.

Пусть ходить через боль придётся,
Пусть сказать не смогу «люблю!»,
Просто даром ничто не даётся.
Если надо, я всё стерплю.

Но любимой твоей не стала,
Ты меня полюбил, как сестру!
Только я не о том мечтала,
И теперь, проиграв, умру.

Мои сёстры косы сменяли
На возможность меня спасти.
Только я вот смогу едва ли
В твою грудь удар нанести.

Нож, не дрогнув, за борт отправлю,
Волны в алый окрасив цвет.
С новобрачной тебя оставлю.
Я любила, а ты... рассвет!

Снова солнце в волнах отразится —
И я пеной растаю морской.
Я, возможно, тебе буду сниться,
Мне же небо подарит покой.

СВОБОДА

Ты получишь её, уходя из привычных границ,
Только мёртвый венки сменит прошлого камень на шее.
И ты сможешь взлететь, ухватившись за хвост

вольных птиц,

И, возможно, увидишь, как в небе цветут орхидеи.

Не успеешь моргнуть, как на плаху слетит голова.
Ты, пройдя через сотни экстазов последних агоний,
Остановишься там, где от страха бледнеет трава
И свинцовые тучи ночами от тяжести стонут.

На пороге ты вспомнишь, чего же так сильно желал,
И поймешь, что процесс был приятнее цели.
Ты у Башни Желаний один встретишь этот финал
И начнёшь все сначала, проснувшись в другой колыбели.

Покидая поля, где остатки разбитых дружин
И кровавое солнце сквозь чёрное море светит...
Не успев умереть, начинаешь без отдыха жить,
Без труда разрывая железную хватку столетий.

Где, закованный в небо, остался по-прежнему жив,
Где стоял ты до времени, чёрным огнем очарован.
Неизведанный мир, распростёртые крылья сложив,
Уместился в одно колдовское заветное слово.

СКЕЛЕТАМ В МОЕМ ШКАФУ

Скелеты в шкафу обаятельны и небриты,
Будильник с утра по мозгам пробивает вальс.
Глаза разлепила и в зеркало — ах, разбито!
Неделя не задалась.

С утра полчаса покрываю ресницы чёрным,
Потом тороплюсь, на ходу заливаю чай.
Становится небо под узкой стопой покорным,
Как будто бы невзначай.

Автобус, не нужно, не жарко совсем, не тесно —
Потом проходная, встречай же меня, лицей!
Дожить до обеда, в столовой светло и пресно,
Играет «Мы ждём перемен».

Теперь на учёбу вдоль Терешковой, скользко и ветер.
Конспекты, конспекты, конспекты — за часом час.
Хоть я его и не спросила, но он ответил,
Причём за обоих нас.

По небу весна вперемешку с зимой разлита,
А градусник врёт то на десять, а то на пять.
Скелеты в шкафу обаятельны и небриты.
Я буду для них молчать.

ТАНЕЦ

по лезвию ножа
танцует не спеша
безумный танец

по лезвию ножа
опальная душа
и крови глянец

по стали полосой
как станцевать босой
и ноги не изранить

по стали полосой
закатною росой
следы на память

по лезвию ножа
безумная душа
скользит без крика

по лезвию ножа
зажмурясь не дыша
ведь боль безлика

ЧИТАТЕЛИ

Мной пройдены тысячи жизней,
Чужих сокровенных дорог.
Какие прекрасные книги!
Но их не читает никто.
И дела давно уже нету
До чувств и страданий чужих.
Слепые блуждают по свету,
Ведут за собою слепых...

ЧТО МЕШАЕТ?

Что мешает шагнуть нам к мечте?
Дотянуться — и вот оно счастье!
Но не любим мы лёгких путей.
И об стену! С разбега! Со страстью!

35

Бьёмся больно своей головой.
Подбодрить не пытайся улыбкою!
Лучше брось меня здесь. Иль со мной
Насладись бесконечною пыткой.

Я хочу раздобыть дробовик,
Уничтожить всю гниль метким выстрелом
В самый центр, где демон возник,
Где болото его выросло.

Осветить эту тьму, убежать
От старинного чудо-проклятия
Нелегко. Как и точно понять,
В чём же есть настоящее счастье.

ЧУЛАН

когда в твоё сердце инфаркт постучит, как таран,
и тактично напомнит: «парень, осталось немного!»,
вспоминаешь про бога.
и лезешь за богом в чулан,
потому что помнишь, как сам убирал туда
после смерти бабушки всякие древние штучки:
пачку писем с войны, бинокль, патефон без ручки —
всё, что выбросить жалко, хоть, в сущности, ерунда.
значит, он тоже там, старомодный бабушкин бог —
строгий, бдительный бог с бородой седой и длинной.
входишь в чулан, а там одна паутина,
и на полу в пыли отпечатки ног.
что за дела? а потом вспоминаешь, как
бога в чулане уже находил среди сора —
ты был в запое, поскольку тебе было сорок,
ровно по той же причине ты был дурак.
ну и куда он пропал?
ни в карманах, ни за подкладкой
нет его. проверяешь в душе все складки,
нет. выходит, что бога ты потерял.
не потерял, а бросил осенним днём
бога и пару слёз на могилу брата.
перед глазами небритый чувак с лопатой,
в ухе — бубнящий поп (ему явно в лом).
значит, искать самому, так подводишь итог,
где-то же должен быть (это знаешь точно),
про которого ты не будешь писать со строчной —
Бог.

ЭТО СТРАШНО

Это страшно — влюбляться. Тихо
Замыкаются руки-змеи.
Это злое слепое Лихо
Клеить судьбы порой умеет,
Да ни к чёрту у Лиха нервы.
Разложив по порядку даты,
Лихо ловко жуёт конверты,
Ставит штампы: «Вы виноваты».
Это страшно — влюбляться. Лихо
Наш конверт уронило на пол.
Замыкаются руки тихо.
Я заплакала. Ты заплакал.

* * *

Я не мирюсь с былой утратой,
Мне трудно прошлое забыть.
Прижать бы рану белой ватой
И перестать по-волчьи выть.
Я не хочу, чтоб вся округа
Поведала о тех годах,
Когда терзали мы друг друга
И доносилось «ох» да «ах».
Мне каждый звук родного дома
Наполнен речью лишь о том,
Как мы при помощи измора
Себе сердца кровили сном.
И трудно каждый раз очнуться,
Придя из края томных лун,
Хотеть лишь пальцами коснуться
Тончайших заржавевших струн.

Я НЕ ПОЭТ

Всё то, что я пишу, не знает смысла.
Всё пресно, скучно, чушь сваяла.
Хотя... не я ли восхваляла
В своей душе талант? А мысли?
И что могу творить? Но нет,
Какой-то миг душевного порыва
Мы принимаем за талант:
Ура! Он гений! Он гигант!
Ну замолчите! Всё не так красиво.
Все просто фальшь.
Нелепая игра из слов и фраз.
Я не могу творить. Я не умею.
И никаким талантом не владею.
Всё это лишь игра, игра для глаз.
Да, это грустно.
Придумать рифму к слову может каждый,
А где же суть? Сюжет? Мотив?
Где творческий поход? Где креатив?
Пусть пишет тот, кто знает, что он может.
Я не могу
Сейчас.

* * *

знаешь, я не святой!
просто схожу с ума.
облаком над рекой,
ноги в воде едва.

да, я хожу поверх.
да, не тону, и что?
может, я птица-стерх?
если летаю, то

облаком над рекой,
ноги в воде едва.
что ты! я не святой!
просто схожу с ума.

Я ТЕБЯ ПОМНЮ

Вы думаете, умер я? Ошиблись.
Для плоти свежевырытый окоп.
Всего на миг душа и тело сшиблись
И разошлись:
Дух — в небо,
Тело — в гроб.

Вы думаете: всё!
А я пылинкой
Взлетел, чтоб замереть у потолка,
Чтоб посмотреть, а хороши ль поминки,
И сколько вы налили в мой стакан.
Не надо ни напыщенного слога,
Ни скорбных и сочувственных гримас,
Вы ешьте, пейте, смейтесь ради бога,
Я здесь, я с вами, я смотрю на вас.
В молчанье я смотрю, кого сегодня
Собрал сюда мой поминальный стол...
Вот этот, с бородой, мне должен сотню,
Брал на неделю и забыл про долг.
А тот божится, что он был мне другом,
Что он скорбит по мне, как по отцу.
При жизни он не раз был мною руган
И даже бит. Не верьте подлецу.
А это кто?
Не разберу, не вижу,
Не разглядеть — отсверкивает плешь.

Вы, кто спустились
со взглядом стеклянным
в Царствие Смерти,
вспомните нас, окаянных, но не унылых,
жестоких в душе, а просто
как полых людей,
набитых соломой людей.

II
Глаза, что не найдут меня во сне,
И в сонном Царстве Смерти
Не встретишь никогда.
Там те глаза
В игре лучей на треснувшей колонне
И в колыханье веток.
Там голоса
По ветру, как обеты —
Торжественны, но, впрочем,
отстранённые,
Как угасающая звезда.

Да не приближусь я к воротам
В сонном Царстве Смерти.
Да скроют меня нарочитые одеяния
Крысиной шкуры, вороньей кожи,
чучельного остова
В поле,
Качающегося на ветру так просто.
Да не приближусь я...
Да не случится эта последняя встреча
В сумрачном царстве.

Герои и Героини

ОСКОЛОК В СЕРДЦЕ КАЯ

Заболела внезапно в мае
безнадёжно, неизлечимо.
И причину я понимаю —
очень хочется быть любимой.
Потому не ищу лекарства
и от жара внутри сгораю.
Обещала судьба полцарства
за осколок из сердца Кая...
Потому я, ломая ногти,
на скалу надежды взбираюсь.
Сбив до крови босые ноги
и стегая злодейку-жалость,
всё бреду. Небо близко-близко —
я рукою его касаюсь.
Ветер холоден и неистов,
но до цели осталась малость.
И сгорает дотла, и пышет
сердце бедное на ладони.
Дождь горячий стучит по крышам,
ночь мятежная грозно стонет.
Но дойду, донесу до Кая
свет души моей в полной мере.
И осколок внутри растает,
если оба мы в это верим.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Вновь замерзаю я, в окна твои взирая,
зябко дышу в стекло — вырос узор из роз...
В том не моя вина — Герда украла Кая.
Видно, не устоял перед рекою слёз.
Помнишь, как хрусталём сыпались счастья звуки?
Помнишь, ныряли мы в бури хмельной прибой?
...Ты говорил «люблю» и целовал мне руки...
Ты говорил «нужна» и называл судьбой.

Салютовало нам северное сиянье,
плавало небеса, выкрасив белый снег,
выкрасив и моё белое одеянье.
...Ты обещал: «Всегда». Ты обещал: «Навек...».

Нынче, припав к окну, вижу камин и ужин.
Герда твоя в чепце, грузны её шаги.
Дети. На блюде гусь, яблоками загружен.
...Помнишь, кричал «моя!», помнишь, молил «не лги»?

Холодно... Стыло... Звон — чашка разбилась чая.
Дрогнул, меня узнав, но опустил глаза.
Губы беззвучно в ночь: «Я по тебе скучаю...
Только нельзя вернуть мне ничего назад...».

Хрупкий узор из роз плавись своей ладонью,
я же, на миг простив, сверху свою прижму.
Ты меня предал, Кай, и отплатил мне болью...
Сердцу сказав «молчи», выбрал ты по уму.

Пусто в моих санях, лишь одеяло ветра.
Ты не ищи следы — тут же их замело...
Как не замёрзнуть мне? Кая украла Герда.
И навсегда ушло солнечное тепло.

СТАРАЯ СКАЗКА

Сюжет не нов,
мазки прозрачной акварели,
Картинки снов
Под скрипы стареньких качелей.
Песок, песок...
Он пятки ласково щекочет.
И голосок:
«Ты в сказку старую не хочешь?».
Тогда изволь —
вот море синее без края,
Бредёт Ассоль,
в подол ракушки собирая.
Небес казан
кипящем маревом заполнен.
Испит нарзан
мечты, что шепчет: «Верь и помни...».
А где-то Грей
Атлас тюками покупает.
Лети скорей!
Мир моря страшен и бескраен,
И волны в борт,
но там вдали в линиях платьё
дрожит любовь,
всё ждет тебя, твои объятия!
Горчащий бриз
в лоскутья парус рвёт надежды.
Паденье вниз —
не в небо, как бывало прежде.
Бредёт Ассоль,
и чайка захлебнулась криком...
белеет соль
на мачтах, что торчат у рифов.

МЭРИ

Сорваны ногти — цеплялась так за горизонт.
Жадно вдыхая грозою разлитый озон,
снова раскрою надежду, как маленький зонт,
и полечу, словно Мэри, пить золото солнца.

Руки в крови, но губу прикусила — молчу.
Буду орать — так меня препроводят к врачу.
Западный ветер поднялся, и к счастью лечу,
чтобы в ладони твои проскользнуть сквозь оконце.

Горло саднит, видно, помнит вчерашний пломбир.
А подо мной — лоскутами разбросанный мир,
градом внезапно мой зонт пробивает до дыр,
странно, но в резком пике тоже есть своя прелесть.

Падаю в небо, мне нынче закон нипочём.
Нежность пульсирует в теле горячим ключом.
Ты расчехли поскорей свой большущий сачок,
с ним выходи на лужок, где дурманящий вереск.

Боже, как страшно смешенье земли и небес!
Вроде у цели — речушка и маленький лес.
Нынче с тобой мы пройдем на бесстрашие тест.
Западный ветер с утра. Так лови свою Мэри!

Кто-то решил, что лететь мне по небу с зонтом
в поисках тех, кто грустит вместе с рыжим котом,
чтоб рассказать им красивую сказку о том,
как нелегко нам любить и в мечту свою верить.

МОНОЛОГ БРАНДМЕЙСТЕРА БИТТИ

*(по мотивам романа Рэя Бредбери
«451 градус по Фаренгейту»)*

I
Я знаю, что нужно для счастья всем людям!
Брандмейстер пришёл,
 чтоб открыть вам секрет.
Эй, Монтег! Огня дай из наших орудий,
Давай-ка прольём очищающий свет!

Привет из грядущего, тёмные души!
Здесь правит огонь, даже ночью светло.
Шагайте смелее в мир вечных пирушек.
Скорее, быстрее, ведь вам всё равно!

Жгите! Огонь очищает от скверны
Мыслей ненужных, поступков и чувств.
Ждите пожарных, отступники веры!
Ждите пожарных, отступники веры!
Ждите пожарных, отступники веры!
Ведь для огня ваши знания — чужь!

Всё начиналось с простого, по капле:
Больше людей, повышается спрос,
Ну и мозги постепенно одрябли.
Вот что есть массовости парадокс.

Темп ускорялся, и люди несчастные
Все за стандартом поспеть не могли.
Было решение единогласным:
Сложности — в топку! Всё — упростить!

И упростили: газеты, журналы,
Книги и фильмы — всё только для вас!
Прочь содержание, побольше рекламы.
Счастлив, кто купит, и тот, кто продаст.

Длинные мысли — та же зараза.
Классики? Некогда нам их читать.
Лучше прочесть пересказ пересказа —
Нечего попусту время терять.

Новый стандарт всем пришёлся по нраву.
Несколько строчек — и кончен роман!
Больше в театрах не ставят драмы,
Лишь на комедии ходят упрямо,
Как в цирк — на весёлый, смешной балаган.

Телемагнаты, политики, бренды
Прочно сжимают в ладошках ваш мозг!
В век технологий — в порядке бреда
Ваш ин-тел-лек-ту-аль-ный рост.

В школах не учат историю дети,
И философия им не нужна.
А развлечений так много на свете.
Зачем же учиться, раз жизнь коротка?!

И
Улыбка счастья, как под кокаином!
Смеёмся, если вовсе не смешно.
Не встретишь ни одной унылой мины —
Такие люди вымерли давно.

Несёмся на лошадках в карусели —
Кислотно-сладкий растворимый мир.
Все получили то, чего хотели.
Но где же был потерян ориентир?

Без всяких власти силовых вмешательств
Планету вы толкаете вперёд.
И режиссёр, и модный писатель
То, что вы просите, вам подаёт!

Книги — помои теперь подслащённые:
«Сумерки» и «Пятьдесят тонов»...
А дамы читают, замороженные,
Разум закрыв на полсотни замков.

Писатели! Людям вы не нужны!
И сразу компьютеры те выключают,
Без боя, бедняги, побеждены,
Их книги больше не покупают.

Все отдают предпочтение комиксам,
Ну и, конечно, порножурналам.
Псевдонаучные псевдоконкурсы —
Не побеждает только отсталый.

Знания — скорбь. Без них жизнь легка.
Крути киноплёнку, ведь жизнь коротка!

III

Люди боятся всего необычного.
Всё, что вне рамок, в огонь бросаем.
Все мы должны стать идентичными
В коконе счастья непроницаемом.

Вот где секрет, мои милые предки,
Вот где сокрыт источник счастья.
Все мы его марионетки —
В маленьком слове так много власти.

Жгите! Огонь уравниет всякого.
Умный ли, глупый ли — стёрты границы.
Нет великанов — все одинаковы!
Карликов нет — все одинаковы!
И вокруг вас лишь счастливые лица!

Вот, Монтег, это наша работа.
Судим и тут же вершим приговор!
Покой и порядок — наша забота.
Равенство! А остальное всё вздор.

Выжечь всё то, что толпу взволнует.
Пусть лучше спортом займутся они!
Жизни, прожитые вхолостую,
Полые, полупустые внутри.

Для счастья спокойствие необходимо
И безмятежности сладостный дым.
Счастье и знания несовместимы.
Даже со знанием ты уязвим.

Не хочешь расстраивать новостями?
Так не давай людям видеть всего!
Каплями, маленькими частями
Или приятными только вестями,
А лучше, дружище, совсем ничего!

Прочь всё, что рождает тревогу!
Политика, войны опасны для вас.
Всё для порядка мирового
И для развлечения масс.

Быстро толпа с этим смирится,
Вслепую легче живётся, поверь.
Вряд ли найдется в толпе чудо-птица,
Решившая жизнь посвятить борьбе.

Больше веселья и фейерверков,
И порнографии, и наркоты!
Чтобы одежда поярче расцветкой!
Побольше приятной даешь суеты!

А остальное огонь уравниает.
Синим пламенем вспыхнет тоска!
Пусть прорастает культура другая!
Идите за мною! Жизнь коротка!

МОНОЛОГ КЛАРИССЫ

*(по мотивам романа Рэя Брэдбери
«451 градус по Фаренгейту»)*

Люди верят в порядок и твёрдую руку
И живут в режиме двадцать пятого кадра:
Слишком быстро прожитые сутки,
Нам не нужен цвет, не нужна и правда.

Нужно лишь ускорение без перерывов,
И нам кажется, этим гордиться можно.
Быстрый темп, реакции на порядок выше.
Только кажется, нужно поосторожнее.

Больше? Быстрее? Богаче? Успешнее?
В этом есть вся жизнь потребителя.
В ней очень важна атрибутика внешняя,
Каждый хочет быть победителем.

А сами забыли, как улыбаться,
Цветные обои — замена цветам.
Нам проще было системе поддаться,
Но я так просто себя не отдам.

ТЕРЕФЕЯ

Тени, сизые серны, скачут прочь от деревьев,
На закат кровенеют, сводят цветом с ума:
На болоте на Серном расцвела терефея,
Лепесточная фея, заалевшая тьма.

Чёрный стебель змеится в стылой жиже болотной,
В чаше рдеющий венчик разжигает огонь.
А вокруг бешеница жмётся к берегу плотно
И дурман свой извечный посылает вдогон.

Не боюсь, не боюсь я! Только вся леденею.
Только выпь прогудела ветром, воющим в ночь:
«В гати — дряхлые брусья. Осторожней будь с нею.
Только гиблое дело... И тебе не помочь.

52

Злобной мачехи ревность и досада заели
Жизнь твою молодую, завели в эту гать.
Но торфяной царевной будешь в лунной капели
Малахитовым гребнем кудри-волны чесать.

И она не получит терефеи могучей,
Вмиг состарится, ветошь, разорвана вдрызг.
И с заоблачной кручи вниз рванется сквозь тучи,
Визгом крысы огромной станет мачехин визг».

ВСЁ ВО ИМЯ ВЕРЫ

(постановка)

Жрец:

Нам размывать границы тьмы
И света яркие черты,
Мешать их все в полутонах —
Обыденно и так привычно.
Молитвы свет ведёт впотьмах,
Но ограничивает нас.

Заветный наступает час!
Особо для тебя, сестрица.
Пока свет веры не погас,
Ты вовремя пришла в столицу.

Жрица:

Великий храм! Моя мечта!
Такое может лишь присниться!
Но нет. Не сплю я. Вижу я
Собратьев радостные лица.

Жрец:

Ты так наивна и юна!
Признаюсь, даже забавляет
Меня твой пыл. Но времена
Меняются сейчас так быстро...

Жрица:

Изволь мне пояснения дать.
Я неуверенности тень,
сомнений нотки живо слышу.

Жрец:

Пастух овец на крае крыши
не сможет точно уберечь...

Жрица:

Твоя мне непонятна речь.
Пастух — но кто же? Наш Король?

Жрец:

Король, что плохо знает роль.

Жрица:

Король наш знает верный путь,
Он может счастье в мир вернуть,
В него нам нужно просто верить.

Жрец:

Король не знает, что творит,
Себя он, верно, богом мнит.
Я знаю, тебе не нужны советы.
Но я видел истинный ад.

Жрица:

Молитва тихая моя осветит
Самый темный сад.

Жрец:

У Короля есть много секретов.
Нет недовольных — они все в тюрьмах сидят!
И непокорность ныне — оттиск тьмы!
А тьму нам, безусловно, нужно выжечь.

Жрица:

Несчастливы воры и убийцы,
За них молюсь я каждый день.
Они способны исцелиться!

Жрец:

Под маской жреца я вижу гримасу тирана.

Жрица:

Наш славный Король, несомненно, повергнет тьму.

Жрец:

Тени невидимы только в кромешном тумане.
Им паству свою он окутал. И не сбежать никому.
Поверить сможешь, что Король твой, Жрец, —
Лишь подлый, безумный, преступный слепец!

Король-Жрец:

На небе знаки все сошлись,
Приходит очищенья час.
Взволнованное море лиц
Я взглядом обвожу.
Отец, Всевышний, о, услышь
Нашу мессу. Во мраке. Её мы творим,
Ну а ты, как и прежде, молчишь.

Взираю с обрыва скалы:

Столько лиц, столько судеб!
Но их ни одной мне не жаль,
Коль стоять на кону
Порядок в моём светлом городе будет.

Хотя бы песчинка одна подточить соберётся
Незыблемость веры и мрамор колонн,
Я буду готов погасить даже солнце.
Жертвы великие должен принести король.

Жрец:

Раскрой глаза скорее, Жрица,
Тебя здесь не было, когда
По белоснежным площадям
Струилась красная вода.
Нет оправданья тем смертям.
В крови неверных твой Король
Омыл свой храм!

Жрица:
Не верю!

Жрец:
Стой!
Вот погоди, он суть свою покажет сам.
В темнице братства я бывал,
И нет там веры, света нет.
Там стонут люди.
Там каждого на страшном блюде
Ножом и вилкой на обед
Палач ел. И не забывал
О вере говорить.
Король смог это допустить!

Король:
Сегодня безлунная ночь, и грядет очищенье.
Готовься же, город, принять волю небес!
Любой, кто не с нами, тот проклят богами!
Под знаменем истинной веры
ты будешь спасён.
Я расы нечистые все истреблю
и возражений я не потерплю.
Жестокость и крайние меры нужны
нашей избранной вере!

Жрица:
Так о ТАКИХ вы жертвах говорили?
Я верила, что жертвует король
Своею жизнью, не другими.
Зачем же причинять друг другу боль?
Во что мне верить, если слеп мой пастырь?
Куда он приведет нас на пути?
Король, ты больше надо мной не властен,
Мне веру вновь в тебя не обрести.

Жрец:

Как долог был твой путь на дно
Пучины горьких заблуждений!
Неверный? Брат? Да всё одно!
Когда просил ОН жертв и приношений?
Чей голос слышал ты у алтаря,
Когда снимал с невинных кожу?
На божью волю это не похоже!
Подобное лишь демоны творят
И люди, что в святое веру потеряли.
Да и была ли вера у тебя?.. Едва ли.

Из образа в подобие,

ВАШЕ ПРЕПОДОБИЕ!

Король:

Закройте рот нечистому глупцу,
Пока он Бога не успел прогневать!

57

Жрец:

Да кто тебе позволил, подлецу,
Кто право дал судить несчастных жизни?

Жрица:

На себя, властитель, взял ты слишком много.
Кто тебе дал право? Кто здесь выше Бога?

Король:

Ты одержима бесами, сестра,
Тебе лишь на костёр дорога.

Жрица:

Костры и пытки без конца.
Есть в этом радость для жреца?
А если мы вдруг не сошлись

Во мнениях,
Что же — умирать?²
Король, как мог ты всех предать?²

Король:

Тебе, о жрица, не понять
Моих возвышенных мотивов.
Скажи мне, для чего всё было?²
Неверных столько истребил —
Но нет ответа до сих пор.
Ты здесь? Ты с нами? Хоть укор
Иль одобрение какое бы послал мне.
Как завершить, я знаю, мессу.
Затворены ворота Храма.
Солома маслом напиталась...
Так завершим же нашу пьесу!
Осталось сделать только малость.
Жрецы! Огонь пусть съест весь город,
Тех, кто мне был и не был дорог.

Жрица:

Кем свет направлен? Грозным дождём,
Чья воля отмывает мир от скверны?²
Кто видел ад, вдыхая запах серы?²
Кто путь топтал, которым мы идём?²
Прости, мой друг, была слепа
И за слепцом во тьму пошла.
Дай руку, страшно умирать.

Жрец:

Мир вечно обречён искать
Себе кумиров или божества.
Как прошлогодняя листва,
Спадает вниз в саду иллюзий
Очередное заблуждение.

На чистых идеалах тенью
Лежат тиранов имена.

Жрица:

Стекают реки в океан Ничто:
Уносит Летой память, Стиксом — души.
Мы верим — мир родится лучший,
И рано подводить итог.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИРАЛЬНАЯ НЕМЕЗИДА	3
КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ	4
НА ПЕРЕПУТЬЕ.....	5
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ	6
НА ПУТИ ЗА ЗВЕЗДАМИ	7
«Я СЕГОДНЯ ИСКАЛ ВДОХНОВЕНЬЕ...»	8
ДЛЯ АЗАЛИИ.....	9
ИЗГОЙ.....	10
ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ	11
ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ	13
ВЗМАХ	13
ИСПОВЕДЬ ШУТА:	
ЛЮБОВЬ К КОРОЛЮ	14
ИСПОВЕДЬ ШУТА:	
ЛЮБОВЬ НЕ К ТОЙ	16
КАТЕРИНЕ	17
КЛЯТВА	17
ЛУННОЕ	19
ЛЮБИМОЙ И НЕНАВИСТНОЙ	
«ДРУГОЙ СРЕДЕ»	19
МЫ	21
НАС НАЙДЕТ ТОЛЬКО ТОТ	22
НЕ ПРИНЦЕССА	22

НЕ РИФМОЙ ЕДИНОЙ.....	23
«НЕ ЦЕЛУЙ МЕНЯ ТАК СЛАДКО...»	24
ОХОТА НА УЛЫБКУ	25
ПАМЯТЬ СЕРДЦА	25
ПРО ЛЮБОВЬ	27
РАЗДОСАДОВАНА	30
РАСЧЁТ	31
РУСАЛОЧКА	31
СВОБОДА	32
СКЕЛЕТАМ В МОЕМ ШКАФУ	33
ТАНЕЦ	34
ЧИТАТЕЛИ	35
ЧТО МЕШАЕТ?	35
ЧУЛАН.....	36
ЭТО СТРАШНО	37
«Я НЕ МИРЮСЬ С БЫЛОЙ УТРАТОЙ...»	37
Я НЕ ПОЭТ.....	38
«ЗНАЕШЬ, Я НЕ СВЯТОЙ!...».....	38
Я ТЕБЯ ПОМНЮ.....	39
ПОЛЫЕ ЛЮДИ.....	40
ГЕРОИ И ГЕРОИНИ	
ОСКОЛОК В СЕРДЦЕ КАЯ	42
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА	43
СТАРАЯ СКАЗКА.....	44
МЭРИ	45
МОНОЛОГ БРАНДМЕЙСТЕРА БИТТИ	46
МОНОЛОГ КЛАРИССЫ.....	50
ТЕРЕФЕЯ.....	52
ВСЁ ВО ИМЯ ВЕРЫ (постановка)	53

Ирина Андреевна Киселёва
Спиральная Немезида

Рецензент Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка — Гульсасак Мусина
Корректор Людмила Моисеева
Обложка — Алексей Кирилов

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. (3532) 55-41-99.

Подписано в печать 12.12.2017 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15.

Тираж 200 экз. Заказ № _____.